

ДОН НИГРО

ВЕСЕЛЬЧАКИ,

ХРАНИ ВАС

БОГ

Дон Нигро

Весельчаки, храни вас Бог!

«Автор»

1999

Нигро Д.

Весельчаки, храни вас Бог! / Д. Нигро — «Автор», 1999

Дон Нигро «Весельчаки, храни вас Бог/ God Rest Ye Merry Gentlemen». 6 актеров (2 женские и 4 мужские роли). Английская гастрوليрующая труппа, в которую Мэри Маргарет попадает из Голливуда. Причудливое переплетение сцены и реальности. Каждая роль, от короля Лира до шута выписана с блеском. Прекрасная бенефисная роль для возрастного актера (от 70 лет). Завершающая часть трилогии о Мэри Маргарет, которая включает пьесы «Зверь о двух спинах и Лестригоны». Благодаря участию Джона Роуза входит в сагу «Пендрагон-Армитейдж».

© Нигро Д., 1999

© Автор, 1999

Содержание

Действующие лица	5
Действие первое	6
Картина 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Дон Нигро

Весельчаки, храни вас Бог!

Действующие лица

МЭРИ МАРГАРЕТ ДУНКАН – 27 лет

ДЖОН РОУЗ – 41 год

МАРИНА МАКДАФФИ – 40 лет

ЭНДРЮ МАКДАФФИ – 79 лет

ДЖЕЙМС МАХОНИ – 52 года

Место действия: Сцены и закулисы различных театров Англии, Ирландии и Уэльса в 1929-30 гг. представлены одной декорацией и нескольких сундуков, зеркал, столов и стульев.

Действие первое

Картина 1

(Свет зажигается в закулисы старого английского театра в конце 1929 г. Сундуки, стулья, просиженный старый диван, туалетный столик с потрескавшимися зеркалами и перегоревшими лампочками. На сцене МЭРИ МАРГАРЕТ, американская актриса, миниатюрная и красивая, и ДЖОН РОУЗ, американский актер, черноволосый, статный герой-любовник. МЭРИ МАРГАРЕТ на грани нервного срыва).

МЭРИ МАРГАРЕТ. Не понимаю, что я здесь делаю. Как я могла позволить тебе втянуть меня в эту историю? О чем я думала? Я рехнулась? Наверное, напилась. Была пьяной, так? Ты воспользовался тем, что я была пьяна. За это тебя надо отправить за решетку.

ДЖОН РОУЗ. Просто успокойся. Все будет хорошо.

МЭРИ МАРГАРЕТ. Почему мне всегда это говорят. Но ведь хорошо не получается. Всегда какая-то ерунда. У меня не жизнь, а беда. Словно я только и делаю, что раскуриваю сигары на пороховой фабрике, а люди продолжают говорить мне, все будет хорошо, но голова у меня взрывается и взрывается. Что же мне делать? Я понятия не имею, что мне делать!

ДЖОН РОУЗ. Расслабься и будь сама собой.

МЭРИ МАРГАРЕТ. Да, хорошо, как будто это может сработать.

ДЖОН РОУЗ. Здесь все очень хорошие.

МЭРИ МАРГАРЕТ. Здесь все не очень хорошие. Они англичане. И они актеры. Я – овечка на волчьем сборище. Эти люди съедят меня живьем. И ничего не останется, кроме маленькой кучки костей. Меня придется опознавать по зубам. Я хочу домой. Я хочу умереть. Мне надо выпить.

ДЖОН РОУЗ. А теперь послушай меня. Ты прошла долгий путь. Сейчас ты вернешься не можешь. Все у тебя будет хорошо. Доверься мне в этом.

МЭРИ МАРГАРЕТ. Довериться тебе? Я должна довериться тебе? Я тебе не доверяю. Я даже не знаю тебя. Ты – некто, кого я встретила однажды вечером, когда крепко поддала и подумывала о самоубийстве, а проснувшись, уже была в Англии. В Англии я чужая. Я – американка. Мое место там, где только говорят на английском.

ДЖОН РОУЗ. Я тоже американец.

МЭРИ МАРГАРЕТ. Ты – актер. Такие не в счет.

ДЖОН РОУЗ. Ты актриса.

МЭРИ МАРГАРЕТ. Я – не актриса. Я снималась в немом кино. Там даже не говорят.

ДЖОН РОУЗ. Тогда почему бы тебе не заткнуться? Ты выводишь меня из себя. Эти люди – не волки, они не монстры, они мои друзья, и они самые милые, самые добрые, самые лучшие люди на свете. Клянусь.

МАКДАФФИ *(кричит за сценой)*. Махони, маленький извращенец-таракан, если в сцене с лопатой ты еще раз перепутаешь фразы, я оторву тебе яйца и заброшу на балкон!

МЭРИ МАРГАРЕТ. Господи. Как думаешь, мне хватит места в одном из этих сундуков? *(Входит МАРИНА, красивая, нервная женщина лет сорока).*

МАРИНА. Дети, мои, возьмите себя в руки. Великий человек уже близко. Сегодня он в более-менее хорошем настроении, но все равно, не открывайте ему спину.

МАКДАФФИ *(бушует за сценой)*. Ты паршивая горгулья. Я поджарю твой пенис, если смогу его найти.

МЭРИ МАРГАРЕТ. Вся жизнь проходит у меня перед глазами. Думаю, я сейчас грохнусь в обморок. Нет, меня вырвет. Меня определенно вырвет.

МАХОНИ (*входит, характерный актер с грустным лицом*). Мой пенис отрезала в Брайтоне какая-то женщина, в девятьсот четырнадцатом году. (*Останавливается, увидев ДЖОНА*). Иисус, Иосиф и Мария! Это Джон Роуз, вернувшийся из царства мертвых. Боже, теперь мы в деле. Вот уж повезло!

МАКДАФФИ (*входит, крупный, величественного вида, уже не тот, что прежде, но все равно приковывающий взгляды*). Черт побери, я не потерплю пьяных на сцене. Ты слышишь меня, маленькое ничтожество?

МАХОНИ. Ты всегда пьян на сцене.

МАКДАФФИ. Да, но я – актер. Ты всего лишь пьяница. (*Замечает взгляд МАРИНЫ и торопливо поправляется*). Но, разумеется, я давно уже бросил пить. Больше ни капли не коснется этих чистых губ... (*Видит Джона Роуза*). А это еще, черт побери, кто?

ДЖОН РОУЗ. Привет, Мак.

МАХОНИ. Это Дух прошлого рождества.

ДЖОН РОУЗ. Как поживаешь, Джейми?

МАХОНИ. Не такой мертвый, как обычно. Рассматриваю это моральной победой, если ничем больше.

МАКДАФФИ. Да что тут, черт побери, происходит?

МАРИНА. Я решила сделать тебе маленький сюрприз, папа. Джон Роуз снова с нами.

МАКДАФФИ. С нами? В каком смысле, Джек Роуз снова с нами? Ты хочешь сказать, он снова с нами, чтобы забрать сейф с деньгами и сбежать? Или он с нами для того, чтобы лишить невинности трех оставшихся на Британских островах девственниц?

МАРИНА. С нами в том смысле, что он вновь присоединяется к нашей труппе.

МАКДАФФИ. Только через мой быстро разлагающийся труп.

МАХОНИ. Нам очень повезло.

МАКДАФФИ. Этот человек появляется с регулярностью взбесившейся кукушки из часов, приползает на коленях, когда боится, что в Содоме и Гоморре им сыты по горло, а потом, в мгновение ока исчезает, словно его и не было. Что ж, он может уползать в ту вонючую нору, из которой выполз, потому мне он не нужен.

МАРИНА. Очень даже нужен.

МАКДАФФИ. Не говори, что мне нужно. Почему ты всегда говоришь, что мне нужно.? О том, что мне нужно, ты знаешь не больше, чем зад Румпельштильцхена.

МАРИНА. Папа, он нам нужен.

МАКДАФФИ. Может, он нужен тебе. Мне – нет.

МАРИНА. Ты не знаешь, что мне нужно.

МАХОНИ. Мне вот нужно выпить.

МАКДАФФИ. Тебе всегда нужно выпить.

МАХОНИ. Мне не всегда нужно выпить. Иногда я пью. А иногда я в отключке.

МАКДАФФИ. Уведи отсюда этого преступника, а не то я вызову полицию.

МАРИНА. Он не преступник, папа. Он – знаменитость. В своем роде.

МАКДАФФИ. Знаменитость? Он? Я создал этого самодовольного сукиного сына! Я создал его из ничего. Меньше чем из ничего. Когда он пришел ко мне, он ничего не знал. Ничего не умел. Был никем. А теперь он – знаменитость? Этот идол обожателей идиотов – знаменитость? Если он – знаменитость, тогда кто, черт побери, я?

МАРИНА. Ты – банкрот, вот кто ты, а он вернет зрителей в зал.

МАКДАФФИ. Деньги. Ты всегда сводишь все к деньгам, так?

МАРИНА. Только потому, что у нас никогда их нет. Нравится тебе думать об этом или не нравится, но нам нужны деньги, чтобы выступить.

МАКДАФФИ. Я не возьму деньги этого типа.

МАХОНИ. Я возьму его деньги.

МАКДАФФИ. Ты бы взял пятаки из глаз своей умершей матери.

МАХОНИ. Это актерское кредо: брать деньги у всех и спать со всем, что движется.

Такова наша жизнь.

МАРИНА. Люди придут, чтобы увидеть его.

МАКДАФФИ. Люди приходят, чтобы увидеть меня.

МАРИНА. Только не молодые.

МАКДАФФИ. К черту молодых. Они же кретины.

МАРИНА. У нас нет героя-любовника.

МАКДАФФИ. Нет героя-любовника? И как тогда ты назовешь меня?

МАХОНИ. Надутым ослом, похотливым старым пердуном, надменным пустозвоном...

МАРИНА. Ты слишком старый.

МАКДАФФИ. Старый? Я старый? Ты называешь меня старым?

МАХОНИ. Ты гастролировал по Уилширу, когда строили Стоунхендж.

МАРИНА. Ты – Лир. Ты – Фальстаф. Ты – Скрудж. Ты даже Отелло, если в ударе и при плохом освещении. Но ты слишком стар для Гамлета. Нам необходим Гамлет.

МАКДАФФИ. Джек Койн – Гамлет.

МАРИНА. Джек Койн – пустышка. Джон Роуз – актер. Ты это знаешь. Ты сам его вылепил. И ты знаешь, что мы отчаянно в нем нуждаемся. Ты хочешь, чтобы эта труппа, которой ты посвятил всю жизнь, умерла, потому что ты недостаточно великодушен, чтобы подняться над разногласиями, которые возникали у вас в прошлом, и взять его обратно. Потому что без Джона Роуза эта труппа умрет, и умрет быстро. Ты этого хочешь? *(Яростно вытирает слезы)*. Черт бы их побрал. Когда они нужны, их не выжмешь. А когда нет – льются как из ведра.

(Пауза. МАКДАФФИ смотрит на нее, потом обращается в ДЖОНУ РОУЗУ, но холодно смотрит куда-то ему за спину).

МАКДАФФИ. Видишь, чего ты добился, эгоистичный ублюдок? Заставил мою дочь плакать. Всю жизнь я безуспешно пытался научить мою дочь плакать, но ты, похоже, единственный из всех живущих, кто может довести ее до слез. И не в первый раз, должен добавить. *(Пауза)*. Ты действительно хочешь вернуться в нашу труппу? После всего, что случилось, ты все равно хочешь вернуться?

ДЖОН РОУЗ. Да, хочу.

МАКДАФФИ. Потому что они наконец-то вышибли тебя из этой говняной голливудской фабрики, где ты так бесстыдно торговал собой?

ДЖОН РОУЗ. Нет. Если на то пошло, они хотят, чтобы я остался.

МАКДАФФИ. Тогда почему ты рвешься к нам? Чтобы мучить меня?

ДЖОН РОУЗ. Это мой дом.

МАКДАФФИ. Это не твой дом. Я даже не знаю, где мы, черт побери. Где-нибудь в самой глухой части центральной Англии, так?

МАРИНА. Мы в Корнуолле.

МАКДАФФИ. Не так и далеко.

ДЖОН РОУЗ. Своим домом я могу назвать только эту труппу.

(Пауза).

МАКДАФФИ. Если он хочет, то на какое-то время может вернуться в эту труппу. Я делаю это ради моего ребенка и ради беспомощных, заблудших душ, находящихся на борту этого быстро идущего ко дну старого фрегата, и ради самого корабля. Но не ради него.

ДЖОН РОУЗ. Есть одно условие.

МАКДАФФИ. Условие? Ты ставишь мне условия?

ДЖОН РОУЗ. Только одно.

МАКДАФФИ. Я надеюсь, ты не рассчитываешь, что тебе будут платить за твою работу? Потому что мы варим суп из рукописей, а если старый Пайкрофт умрет при следующем переезде, чего я с нетерпением жду последние двадцать лет, мы собираемся его замариновать, чтобы потом приготовить канапе-сэндвичи.

ДЖОН РОУЗ. Я привез подругу и хочу, чтобы она вошла в состав труппы.

МАКДАФФИ. Подругу? В смысле, подружку? Ты говоришь про это несчастное, трясущееся существо? И ожидаешь, чтобы я взял в свою труппу эту нелепую американскую шлюху?

ДЖОН РОУЗ. Она не шлюха. Она – актриса.

МАКДАФФИ. Боюсь, я не понимаю разницы, на которую ты вроде бы пытаешься указать.

ДЖОН РОУЗ. Она очень хорошая актриса.

МАКДАФФИ (*поворачивается, насмешливо смотрит на МЭРИ МАРГАРЕТ*). Ты? Сопливая худышка. Ты актриса?

МЭРИ МАРГАРЕТ. Скорее нет, чем да.

МАКДАФФИ. Вот. Из ее прелестных уст.

ДЖОН РОУЗ. В Америке она снялась в десятке фильмов.

МАКДАФФИ. Добавить мне нечего.

ДЖОН РОУЗ. Мак, или мы оба, или никто.

МАКДАФФИ. Да за кого ты, черт побери, себя принимаешь?

МАХОНИ. Приплыли. (*Открывает сундук и залезает в него*).

МАКДАФФИ. Кто ты такой, чтобы диктовать мне условия? Величайший актер своего поколения?

МАХОНИ. Только потому, что остальные умерли.

МАКДАФФИ. Это абсурд. Как смеешь ты? Как смеешь?

МАХОНИ. Разбудите меня, когда он задохнется от праведного негодования. (*Ложится в сундук, закрывает крышку*).

МАРИНА. Папа, слезь с белого коня до того, как свалишься и сломаешь шею.

МАКДАФФИ. Я не слезу с белого коня. Это мой чертов конь, и я намерен на нем остаться. Если вы не хотите...

МЭРИ МАРГАРЕТ. Послушайте, я не хочу создавать лишние проблемы. Если вы не хотите...

МАРИНА. Будет лучше, если вы помолчите и позволите мне все уладить.

МЭРИ МАРГАРЕТ. Я не хочу быть там, где меня считают лишней.

МАРИНА. Плевать мне на то, что вы хотите.

МАКДАФФИ. А мне плевать на то, что хочет кто угодно. Я не поддамся шантажу и не возьму эту жалкую маленькую колониальную шлюшку в величайшую в истории западной цивилизации гастрольную труппу.

МАРИНА. Господи, папа, мы показываем «Рождественскую песнь» на краю земли.

МАКДАФФИ. Даже если бы мы показывали «Панча и Джуди» для двух дохлых свиней и пьяной повитухи во Флайшите, я бы ее не взял, слышите меня? Не взял! Джон Роуз и его миниатюрная сожительница могут прелюбодействовать в чьих-то других походных фургонах. Король сказал!

МАРИНА. Прекрасно. Просто прекрасно. А что будет со мной, когда ты упадешь замертво на сцене по ходу какой-нибудь шотландской пьесы, и труппа развалится? Что я тогда буду делать? Как заработать на жизнь? Ты хоть раз задался вопросом, а что я тогда буду делать? Нет, ни разу, не хватило времени. Ты постоянно скачешь на белом коне, словно Генрих Пятый.

(Пауза).

МАКДАФФИ. Уходи.

МЭРИ МАРГАРЕТ. Хорошо.

МАРИНА (*обращаясь к МЭРИ МАРГАРЕТ*). Не двигайтесь.

МЭРИ МАРГАРЕТ. Это нормально, если вы...

МАКДАФФИ. Ты молчи. Не с тобой разговаривают. Марина, уйди и заberi с собой Джона Роуза, этого отвратительного, не чурающегося удара в спину, киношного кретина. Сейчас я желаю поговорить наедине с этим нелепым ребенком.

МЭРИ МАРГАРЕТ. Я не ребенок.

МАКДАФФИ. Тебя не затруднит заткнуться?

ДЖОН РОУЗ. Я не хочу, чтобы ты наезжал на нее.

МЭРИ МАРГАРЕТ (*обращаясь к ДЖОНУ РОУЗУ*). Послушай, я и представить себе не могла, что все будет...

МАРИНА. Все хорошо. Мы с Джонни выпьем по чашке чая и поговорим о давних временах. Вы побудете здесь и получите познакомиться с Папой. Он тебя не укусит.

МАКДАФФИ. Я оставляю за собой право укусить ее. Сегодня я, кстати, с зубами.

МЭРИ МАРГАРЕТ. Джонни, ты же не оставишь меня наедине с ним?

ДЖОН РОУЗ. Все будет хорошо, поверь мне.

МАКДАФФИ. Да. Поверь ему. Присоединись к длинной и мрачной процессии женщин и прочих дебилов, которые ему поверили. Я готов показать тебе три кинжала, которые он вонзил мне в позвоночник три последних раза, когда я ему поверил, но я отказываюсь вновь поворачиваться спиной к этому сукиному сыну.

МЭРИ МАРГАРЕТ. Я ему доверяю. В определенном смысле.

МАРИНА. Это так трогательно. Пошли, Джонни. Предоставим шанс этой парочке получить узнать друг друга.

ДЖОН РОУЗ (*обращаясь к МЭРИ МАРГАРЕТ, когда МАРИНА берет его за руку и уводит*). Не забывай дышать и не выказывай страха.

МАРИНА (*обращаясь к МАКДАФФИ*). Веди себя прилично.

МАКДАФФИ. Я не могу вести себя прилично. Я – актер. (*ДЖОН и МАРИНА уходят. МАКДАФФИ сверлит взглядом МЭРИ МАРГАРЕТ, которая более всего напоминает загнанную в угол мышку*). Почему ты здесь?

МЭРИ МАРГАРЕТ. Если бы я знала, что доставлю столько хлопот, поверьте мне, никогда бы не приехала.

МАКДАФФИ. Что он тебе про меня говорил? Представил чудовищем? Великаном-людоедом, завтракающим такими маленькими девушками?

МЭРИ МАРГАРЕТ. Нет.

МАКДАФФИ. Так что он говорил?

МЭРИ МАРГАРЕТ. Он восторгается вами.

МАКДАФФИ. Хрень собачья.

МЭРИ МАРГАРЕТ. Прошу прощения?

МАКДАФФИ. У меня прощения не проси.

МЭРИ МАРГАРЕТ. Извините.

МАКДАФФИ. Извините – это нормально. У меня нет сомнений, что ты безумно влюблена в этого пьяного мерзавца, который обманом заманил тебя сюда. Они все его любят, тогда как я не смогу затащить в постель слюнявую семидесятилетнюю каргу, даже если бы от этого зависела моя жизнь. Нет справедливости в этом мире. Я спрашиваю вас, боги, где справедливость? (*Громко рыгает*). Поверь мне, надо держаться подальше от всех этих обольстителей.

МЭРИ МАРГАРЕТ. Мы с Джоном Роузом просто друзья.

МАКДАФФИ. Не бывает просто друзей.

МЭРИ МАРГАРЕТ. Мы друзья.

МАКДАФФИ. Ты хочешь, чтобы я поверил тебе, что ты приехала из Америки с этим развратным хищником, и он еще не затащил тебя в свою постель? Если ты убедишь меня в этом,

дорогая, тогда ты действительно актриса, да только любая известная мне актриса подарила бы ему свои уже мокрые трусики в первые полчаса знакомства с ним. Вот такой получается ребус.

МЭРИ МАРГАРЕТ. Я, честно говоря, не понимаю, какое вам дело до того, с кем я ложусь в постель.

МАКДАФФИ. Я – Бог. Мне до всего есть дело.

МЭРИ МАРГАРЕТ. Вы – не Бог.

МАКДАФФИ. В этом месте я – Бог, и не забывай этого, мышка. *(Пауза)*. Моя дочь влюблена в него до безумия.

МЭРИ МАРГАРЕТ. Правда?

МАКДАФФИ. Разве это не очевидно?

МЭРИ МАРГАРЕТ. Не знаю. Возможно.

МАКДАФФИ. «Возможно» ни в коей мере не согласуется с «очевидно». Что-то или очевидно, или нет.

МЭРИ МАРГАРЕТ. Ничего очевидного нет.

МАКДАФФИ. Правда? Это почему?

МЭРИ МАРГАРЕТ. Потому что все очевидное лживо.

МАКДАФФИ. Почему?

МЭРИ МАРГАРЕТ. Не знаю.

МАКДАФФИ. Ты только что выдала заявление, подкрепленное убежденностью, довольно глупое заявление, должен отметить, но заявление, тем не менее, и я требую объяснения.

МЭРИ МАРГАРЕТ. Не обязана я вам ничего объяснять.

МАКДАФФИ. Значит, объяснения у тебя нет.

МЭРИ МАРГАРЕТ. А зачем мне оно?

МАКДАФФИ. Я переехал белку на дороге. Белка теперь такая же плоская, как оладья. Очевидно, что полку она станцует не скоро. Я опровергаю твоё заявление, что все очевидное лживо.

МЭРИ МАРГАРЕТ. Мы говорим не о белках.

МАКДАФФИ. Я говорю о белках. И не знаю, о чем говоришь ты.

МЭРИ МАРГАРЕТ. Если что-то очевидно, какой смысл говорить об этом? Интересно то, что скрывается под поверхностью кажущегося очевидным. Как бы это выглядело, не будь очевидным? Или если обратное было бы очевидным. Почему вы заставляете меня так говорить? Я никогда так не говорю.

МАКДАФФИ. Ты действительно хочешь играть? Или ты хочешь просто стоять на сцене, чтобы все глазели на тебя и видели, какая ты хорошенькая?

МЭРИ МАРГАРЕТ. Я всегда хотела играть. Всегда.

МАКДАФФИ. Почему?

МЭРИ МАРГАРЕТ. Не знаю.

МАКДАФФИ. Нет, знаешь.

МЭРИ МАРГАРЕТ. Из-за пустоты. Пустоты внутри.

МАКДАФФИ. Чушь. Пустой играть не может. Только полный. Игра тебя опустошает. И тем, кто наполняются, приходится опустошаться вновь, как абсцессу или ночному горшку. Большинство уходит или умирает. Некоторые безумцы продолжают в том же духе. Потому что безнадежно одержимы. Целиком и полностью потеряны для чего-то другого. Они – актеры. Остальные всего лишь люди, а люди – зло. Они жалкие и жестокие. Лицемерные. Сбиваются в стаи, будто собаки. Рассерди их хоть раз, и они улучат возможность зубами вырвать тебе горло. Думают как бараны. Могут только повторять то, что слышат. Мозги залиты нечистотами. Они глупые, эгоистичные, сбитые с толку ублюдки. И это, дорогая моя, твои зрители.

МЭРИ МАРГАРЕТ. Если вы так считаете, почему вы все это делаете?

МАКДАФФИ. А что еще мне делать?

МЭРИ МАРГАРЕТ. Я не знаю, но наверняка можно найти лучшее применение своей жизни, чем доставлять удовольствие людям, которых вы презираете. Это не жизнь, а ужас.

МАКДАФФИ. Это не жизнь, а ужас. Театр – ловушка. Жизнь – ловушка. Все это одна гигантская гнойная язва. Такова моя философия. Можешь записать. Это моя версия нагорной проповеди. И сказал Господь Бог Макдаффи лестригонам, все это одна гигантская вонючая язва.

МЭРИ МАРГАРЕТ. В таком случае, не думаю, что мне хочется здесь остаться. Передайте Джону Роузу мою благодарность, но я возвращаюсь домой.

МАКДАФФИ. Да, точно, убегай, как испуганная маленькая мышка. Ты же ничем от нее не отличаешься.

МЭРИ МАРГАРЕТ. Не хотите, чтобы я осталась – прекрасно. Я уйду.

МАКДАФФИ. Я тебя еще не отпускал.

МЭРИ МАРГАРЕТ. Да мне насрать. *(Поворачивается, чтобы уйти)*.

МАКДАФФИ *(голосом Бога, и впечатление производит)*. СТОЯТЬ!

МЭРИ МАРГАРЕТ *(потрясенная голосом, останавливается против воли)*. Что? Чего вы хотите? Теперь вы не хотите, чтобы я уходила?

МАНДАФФИ. Мне очень хочется, чтобы ты ушла, но ты не можешь.

МЭРИ МАРГАРЕТ. Еще как могу. Смотрите внимательно.

МАКДАФФИ. Если уйдешь ты, уйдет Джон Роуз. А если уйдет он, мы спикируем, как подстреленная утка. Ты представить себе не можешь, каково мне это признавать, но моя дочь права. Если ты на меня сошлешься, мне не останется ничего другого, как убить тебя.

МЭРИ МАРГАРЕТ. То есть вам нужен он – не я.

МАКДАФФИ. Разумеется, он, маленькая дурочка. Ты мне до фонаря.

МЭРИ МАРГАРЕТ. Я не хочу работать у вас.

МАКДАФФИ. Это еще почему?

МЭРИ МАРГАРЕТ. Потому что вы ужасный. Самый ужасный из всех, кого мне довелось встретить за всю мою жизнь. А я работала в Голливуде.

МАКДАФФИ. Я – не ужасный. Что ж, ладно, меня полагают ужасным. Но мне дозволено быть ужасным. Я – гений.

МЭРИ МАРГАРЕТ. Если вы такой гений, почему ваша труппа разваливается? Почему вы бедны, как церковная мышь, и выступаете в вонючих, старых, полузаброшенных театрах вонючих, старых, Богом забытых городов для глупых людей?

МАКДАФФИ. Не смей оскорблять моих зрителей.

МЭРИ МАРГАРЕТ. Вы только что сами сказали, что их мозги залиты нечистотами. Это не оскорбление?

МАКДАФФИ. Мне разрешено их оскорблять. Последние сто пятьдесят семь лет я нес факел культуры этим бедным, невежественным недоумкам, поэтому могу называть их, как мне того хочется. Ты этого права не заработала.

МЭРИ МАРГАРЕТ. Нет у меня к вам уважения.

МАКДАФФИ. Да плевать мне на то, что ты обо мне думаешь. Уважай работу. Работу, черт побери. Это все, что имеет значение.

МЭРИ МАРГАРЕТ. Работу я уважаю.

МАКДАФФИ. Так чего тебе не остаться, чтобы выполнять ее?

МЭРИ МАРГАРЕТ. Потому что вы меня ненавидите.

МАКДАФФИ. Тебе нужно мое одобрение твоей работы?

МЭРИ МАРГАРЕТ. Чье-нибудь нужно.

МАКДАФФИ. Выполняй ее, как положено. Если ты выполняешь ее, и выполняешь хорошо, остальное значения не имеет.

МЭРИ МАРГАРЕТ. Как я смогу что-то делать хорошо, если вы собираетесь постоянно на меня орать?

МАКДАФФИ. Я не собираюсь постоянно на тебя орать. Иногда я буду орать на других. Ты думаешь, я буду растрачивать свой голос, крича на пустое место?

МЭРИ МАРГАРЕТ. Я думаю, вы встаете утром и кричите, глядя в зеркало. И окажись я на вашем месте, тоже бы кричала.

МАКДАФФИ. Послушай меня, глупая, глупая маленькая девочка. Я предлагаю тебе возможность. Второй тебе не представится никогда. Поверь мне, я знаю, о чем говорю. Я даю тебе шанс. Почему – это не важно. Я – дареный конь, так что нечего тебе всматриваться в мой вонючий рот. Идешь ты к нам или нет?

МЭРИ МАРГАРЕТ. Я просто не хочу, чтобы на меня все время кричали.

МАКДАФФИ. А чего ты хочешь? Любви? Ты пришла сюда в поисках любви? Потому что если ты хочешь играть, чтобы тебя любили, ты безумна. Причина, которой я могу обосновать желание играть, одна: ты без этого не можешь. Что ж, ты, судя по всему, можешь. Но потом не приходи ко мне вся в слезах и не жди, что тебе пустят в дом, как дворовую кошку. Не выносишь жары – вытаскивай из котла свой красивый маленький зад.

МЭРИ МАРГАРЕТ. Я пытаюсь вытащить зад из этого чертова котла, но вы сбиваете меня с толку.

МАКДАФФИ. Ты сбилась задолго до того, как пришла сюда, сладенькая.

МЭРИ МАРГАРЕТ. А вы все только усугубляете. И я вам не сладенькая. Не хочу оставаться, чтобы на меня кричал самовлюбленный маразматик.

МАКДАФФИ. Я – не маразматик. А самовлюбленность в моей профессии необходима. Послушай и постарайся понять. Я ненавижу кино. Я ненавижу дилетантов. Я ненавижу людей, от которых несет невинностью. И я ненавижу даже мысль о том, что этот никчемный сукин сын Джон Роуз свое возвращение в мою труппу обусловил необходимостью брать и тебя.

МЭРИ МАРГАРЕТ. Что ж, вы можете взять свою труппу и посмотреть, как глубоко вы сможете заткнуть ее себе в...

МАКДАФФИ. Извини, но у меня такое впечатление, что я еще не договорил... (*Пауза*). И пусть все выглядит с точностью до наоборот, я, по крайней мере, кое в чем, реалист. Бог свидетель, не во многом. Мне нужен Джон Роуз, отчасти потому, что он – мелкая американская звезда и действительно станет приманкой, которая увеличит заполняемость залов, в чем мы крайне нуждаемся, но, прежде всего, потому что он блестящий, мощный актер. После меня он – самый одаренный из всех, с кем мне приходилось работать. Мне больно это говорить, но что есть, то есть. Я уже четверть века не могу сыграть правдоподобного Гамлета. Мы должны играть «Гамлета». Джек Койн – картонный Гамлет. Он – Лаэрт, пытающийся казаться Гамлетом. Джон Роуз – великолепный Гамлет. Я еще могу сыграть Отелло, пусть мне не очень-то и поверят, но Койн – такой отвратительный Яго, что мне иной раз хочется оставить Дездемону в живых и задушить его. Да, отклонение от сюжета, но в нескольких случаях меня так и подмывало это сделать. Проблема не в том, что он плохо говорит текст, но зрители просто ненавидят его, а пьеса захватывает, если мы любим Яго, и Отелло может показать себя в лучшем виде, если Яго ему под стать. Мне нужен Джон Роуз для Яго. Мне нужен Джон Роуз для Ромео, и для принца Хэла, и для других ролей. А поскольку этот ублюдок, можно сказать, держит меня за яйца, я должен брать и тебя. Тут и возникает главный вопрос: что мне с тобой делать? Надеюсь, ты не думаешь, что сможешь вальсировать здесь и...

МЭРИ МАРГАРЕТ. Я не собираюсь вальсировать или что-то там делать. Я никогда не утверждала, что я в этом сильна.

МАКДАФФИ. То есть ты согласна стирать костюмы, бегать за продуктами, следить за тем, чтобы Махони не напивался до бесчувствия и мог выйти на сцену, а также выполнять все мои мелкие поручения. Сможешь ты это делать.

МЭРИ МАРГАРЕТ. Да. Думаю, что смогу.

МАКДАФФИ. Великая американская кинозвезда готова сбежать в магазин за чипсами?

МЭРИ МАРГАРЕТ. Я не великая американская кинозвезда. Просто снялась в нескольких фильмах. Я буду делать то, что требуется. Совершенно не возражаю. Просто не люблю, когда на меня кричат.

МАКДАФФИ. Об этом не волнуйся. Очень скоро оглохнешь, и тебя это перестанет волновать. А учитывая, что смотреть на тебя приятно, мы, скорее всего, будем выпускать тебя на сцену в роли фрейлин, детей, лесных нимф и прочих подай-принеси. Но без слов. В моей труппе говорящую роль ты не получишь. Это ясно?

МЭРИ МАРГАРЕТ. Я и в фильмах не говорила. То есть говорила, но никто меня не слышал. Совсем как в жизни.

МАКДАФФИ. Хватит о фильмах. Не хочу больше ничего о них слышать.

МЭРИ МАРГАРЕТ. Ладно. *(Пауза)*. Я действительно не хочу никому доставлять хлопот.

МАКДАФФИ. Если доставишь, для тебя тут все закончится, и с ужасными последствиями. *(Достает бутылку из-под хвоста чучела совы)*. А это, с другой стороны, будет и моим концом. *(Пьет)*. Теперь слушай внимательно. Я намерен открыть тебе твою самую важную обязанность. *(Оглядывается как заговорищик, подзывает ее к себе)*. Ты должна держать бутылки в разных тайниках, вроде чучела совы или в бутафорской отрубленной голове, чтобы у меня всегда была возможность плотнуть спиртного, если вдруг возникнет такое желание. Моей дочери не нравится, что я пью, она предпочла бы убить меня сама, без помощи алкоголя. Так что ты будешь обеспечивать меня спиртным. Это ясно?

МЭРИ МАРГАРЕТ. Полагаю, что да.

МАКДАФФИ. В таком случае, позволь поздравить тебя с началом блестящей карьеры. Теперь иди и очисти плевательницы. Быстро, пока я не передумал. *(МЭРИ МАРГАРЕТ уходит. Макдаффи идет к сундуку, открывает, заглядывает)*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.